

УДК 342.7
ББК 67.400.3

DOI 10.22394/1682-2358-2017-4-59-63

Т.К. Kemryugov, senior lecturer of the Constitutional (State) Law Department, Saint Petersburg Agrarian University

SOCIAL AND NORMATIVE NATURE OF CONSTITUTIONAL OBLIGATIONS OF HUMANS AND CITIZENS

Separate provisions of the theoretical-legal, philosophical-legal, and sociological-legal sciences, which can be used as a basis for understanding the nature of the constitution and constitutional and legal phenomena, including the constitutional obligations of an individual are considered. The author makes an attempt to construct a conceptual series “social identity”, “legal identity”, “constitution”, “constitutional duties” and on this basis to propose the authorial concept of the constitutional obligations of an individual.

Key words and word-combinations: social identity, legal identity, constitutional obligations.

Т.Х. Кемрюгов, старший преподаватель кафедры конституционного (государственного) права Санкт-Петербургского государственного аграрного университета (email: tengiz_09@bk.ru)

СОЦИОНОРМАТИВНАЯ ПРИРОДА КОНСТИТУЦИОННЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Аннотация. Рассматриваются отдельные положения теоретико-правовой, философско-правовой, социолого-правовой наук, которые могут быть положены в основу понимания природы конституции и конституционно-правовых явлений, в том числе конституционных обязанностей личности. Автор предпринимает попытку построения понятийного ряда «социальная идентичность», «правовая идентичность», «конституция», «конституционные обязанности» и на этой основе предлагается собственное понятие конституционных обязанностей личности.

Ключевые слова и словосочетания: социальная идентичность, правовая идентичность, конституционные обязанности.

Исследование феномена конституционных обязанностей личности в Российской Федерации представляет особый научный интерес, так как в этой области отношений наиболее очевидно преломляются противоречия не только специально-юридического свойства, но прежде всего конституционной модели развития российского общества последних десятилетий, а в них, в свою очередь, наглядно проявляется кризис правопонима-

ния и правовой рациональности (о наличии которого с конца 1980-х годов утверждается в зарубежной и с начала 1990-х — в отечественной науке).

С момента принятия Конституции Российской Федерации прошло более двадцати лет. Н.С. Бондарь полагает, что идеи конституционализма, их социальные и государственно-правовые формы признания, которые могут иметь на начальных этапах половинчатый, непоследовательный и весьма противоречивый характер, тем не менее вплетаются в ткань национальной социокультурной среды, становятся важной ее составляющей. При этом речь идет не просто о характеристиках самой по себе правовой культуры как важного, но достаточно ограниченного сегмента общественного сознания и социальной практики, а о вторжении соответствующих правовых явлений (в виде конституционных по своему значению идей законодательной практики) в ткань национальной культуры в целом как универсального и в этом смысле и утилитарно-оценочного, и доктринально-теоретического, и нормативно-мировоззренческого, и властно-догматического феномена национального осознания действительности и ее властно-юридического опредмечивания во всей совокупности основополагающих отношений в сфере экономики, социально-культурной жизни, политической власти [1, с. 14].

Представляется, что построение системы научных гипотез, раскрывающих сущность и содержание конституционных обязанностей личности (строго говоря, как и теоретическое осмысление любого иного конституционно-правового феномена) невозможно исключительно с позиций аналитической юриспруденции и требует выхода за рамки узконормативного понимания конституции, которое не только не позволяет говорить о соционормативных основаниях конституции, но, взятое в своей завершенной логике, редуцирует действие конституции до функции ревизии отраслевого регулирования на соответствие содержанию конституционных норм.

К. Гессе в 1959 г. в инаугурационной лекции в Университете города Фрайбурга на тему «Нормативная сила конституции» выдвинул тезис: «Нормативная сила конституции состоит не только в мудром приспособлении себя к реальности... Правовая конституция становится действенной силой, если существует готовность оставить определение собственного поведения в конституционно установленном порядке, если существует решительность привести такой порядок независимо от всех сомнений... если в общем сознании, и, прежде всего, в сознании тех, кто несет ответственность за существование конституции, существует воля, жизнеспособная не только иметь власть, но, прежде всего, воля иметь конституцию. <...> Самой существенной... предпосылкой нормативной силы конституции является, следовательно, то, что она включает в себя не только социальные, политические и экономические закономерности, но, прежде всего, одновременно и духовную обстановку времени, что общее сознание воспринимает и понимает ее как рациональный и справедливый порядок» [2, с. 165].

К этому следует добавить еще ряд суждений. Как отмечается в научной литературе, специфика современного массового общества состоит в том, что у большинства населения нет четко выраженных политико-правовых интересов,

равно как нет и специальных знаний в этих вопросах. Эти интересы активно формируются массмедиа, политиками и политическими партиями. Кроме того, и зарубежные, и отечественные социологи и политологи утверждают, что в XX в. политико-правовая сфера (как, впрочем, и экономическая, хотя и в меньшей степени) общества оказалась подчинена мифологемам (о естественных правах человека, гражданском обществе, правовом государстве), которые нередко заимствуются у референтной в геополитическом смысле культуры (общества, государства). В силу амбивалентности социальных явлений, а также принципиальной невозможности однозначного и точного расчета последствий любого более или менее сложного политико-правового решения общественному мнению можно «продать» или навязать любую конституцию [3, с. 159–178].

Однако по прошествии некоторого времени оказывается, что население, разочаровавшись в «своем» же решении, начинает его игнорировать. В результате заимствованное политико-правовое решение сохраняет название, но приобретает иное, адаптированное к характеристикам культуры-реципиента, содержание. В любом случае при введении в правовой оборот нового политико-правового решения такое входит в правовую систему (имеется в виду фактический правопорядок) только после ее метафоризации правосознанием, благодаря чему старое слово (означающее соответствующее явление) получает новое значение. Однако новая знаковая форма и соответствующее содержание приобретают статус реальности (то есть востребованы в повседневной жизнедеятельности граждан и социальных коллективов) только в том случае, если то и другое обладают минимумом функциональности, обеспечивают целостность социума, служат ему инструментом выживания и развития [4, с. 47].

В свое время Н. Элиас сформулировал мысль о том, что социальная идентичность (в том числе правовая) в современных условиях является постоянно воспроизводимым процессом. Она всегда присутствует в любом, даже самом фрагментарном, социуме, так как идентичность «Я» невозможна без существования идентичности «Мы» [5, с. 256].

Следовательно, если исходить из понимания конституции как юридически-универсального социально-политического консенсуса, определенным образом формализуемого обществом посредством политических и правовых правил и процедур в нормах, которым в этих целях придается высшая юридическая сила, то с этих же позиций можно рассмотреть и конституционные обязанности, по нашему убеждению, представляющие собой выраженный в нормах высшей юридической силы общественный консенсус по вопросу о том, что в определенных сферах отношений конституционный правопорядок не может быть обеспечен иначе, чем через непосредственное участие, в виде определенного активного поведения каждого члена общества. Как отметил В.М. Шафиров, «...на первый план выходит внешняя необходимость, определяемая интересами общества, государства, других (управомоченных) лиц. До полного осознания ее важности, полезности для себя обязанный может и не подняться. Но независимо от этого главное для него вести себя должно и как можно точнее, то есть в соответствии с предписанными юридическими нормами» [6, с. 104].

Основываясь на таком подходе, представляется допустимым сформулировать презумпцию того, что в тех общественных отношениях, которые опосредованы конституционными обязанностями, гражданин не имеет возможности реализовать свой личный интерес иначе, чем через конституционные обязанности. Таким образом, конституционная обязанность является мерой необходимого самому гражданину поведения не только потому, что иначе воспоследует юридическая ответственность, а поскольку иное — то есть противопоставление личного интереса публичному и являющееся возможным следствием этого невыполнение конституционной обязанности, — по существу противопоставляет нарушителя всей системе отношений, охватываемых конституционным правопорядком.

Не проводя параллелей в современность и не преследуя целей какого-либо сравнения (в силу очевидной некорректности применения сравнительно-правового метода в данном случае), все же предлагаем соотнести с учетом изложенных суждений формулу Конституции СССР 1977 г. «осуществление прав и свобод неотделимо от исполнения гражданином своих обязанностей», понимаемую в контексте механизма воспроизводства социальных благ, предоставляемых гражданину в виде прав и свобод, и позицию Б.С. Эбзеева, который категорично не согласен с тезисом о том, что без выполнения обязанностей перед обществом, государством, перед своими согражданами человек не может пользоваться соответствующими правами и свободами. Ученый полагает, что в приведенном тезисе имплицитно содержится мысль о правах и свободах как не атрибутивных свойствах личности, предопределяющих обязанности публичной власти, а даре государства и своеобразной плате гражданину за выполнение его обязанностей, и действующая Конституция РФ не дает никаких оснований для утверждений о том, что без исполнения обязанностей нет прав [7, с. 208].

Не будем подробно останавливаться на тезисе о том, что в классическом естественно-правовом подходе (из которого, собственно, исходит в своей позиции Б.С. Эбзеев) право по своей природе проистекает из метаюридических оснований, которые выступают аксиомами и не подвергаются в принципе сомнению [8, с. 29], что права человека, как «атрибутивные свойства личности», понимаются в качестве данности, существующей вне общества и государства и независимо от них (и это заставляет задуматься над вопросами об источнике благ, опосредуемых такими правами, и о том, социальны ли вообще понимаемые таким образом права человека) [9, с. 40]. Отметим лишь, что взаимообусловленность конституционных прав и обязанностей широко представлена в европейском конституционном опыте (примером может быть Конституция ФРГ и закрепленная в ней *taxi* «собственность обязывает»). В российском праве можно обнаружить немало предпосылок, уже проявленных в юридической практике к тому, чтобы констатировать, что реализация конституционных прав не может не обуславливаться выполнением конституционных обязанностей. Так, анализируя правовую природу платежей за негативное воздействие на окружающую среду, Конституционный Суд РФ в определении от 10 декабря 2002 г. № 284-О пришел к выводу, что эти пла-

тежи являются необходимым условием получения юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями права осуществлять хозяйственную и иную деятельность [10]. Тем самым Конституционный Суд РФ прямо называет условием реализации конституционного права на предпринимательскую деятельность исполнение конституционной обязанности охранять природу и окружающую среду в форме экологических платежей. В постановлении от 30 октября 2014 г. № 26-П Конституционный Суд РФ выразил правовую позицию о том, что «...отношение гражданина Российской Федерации... к конституционной обязанности по защите Отечества путем прохождения военной службы по призыву, исполнение которой уже само по себе характеризует его как лицо, способное к ответственному и добросовестному осуществлению профессиональной деятельности, связанной с реализацией публичных функций, а, следовательно, вполне обоснованно может рассматриваться как особое репутационное требование, которое государство вправе предъявлять к лицам, претендующим на занятие должности государственного служащего» [11].

Библиографический список

1. *Бондарь Н.С.* Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М., 2011.
2. Конституционный контроль: доктрина и практика: материалы международной конференции, посвященной 20-летию Конституционного Суда РФ. М., 2012.
3. *Бурдые П.* Социология политики. М., 1993.
4. *Честнов И.Л.* Теоретико-методологические основания взаимоотношения общества и права // Право и общество: от конфликта к консенсусу. СПб., 2004.
5. *Элиас Н.* Общество индивидов. М., 2001.
6. *Шафиров В.М.* Естественно-позитивное право. Введение в теорию. Красноярск, 2004.
7. *Эбзеев Б.С.* Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. М., 2007.
8. *Честнов И.Л.* Теоретико-методологические основания взаимоотношения общества и права // Право и общество: от конфликта к консенсусу. СПб., 2004.
9. *Поляков А.В.* Общая теория права. СПб., 2001.
10. По запросу Правительства Российской Федерации о проверке конституционности постановления Правительства Российской Федерации «Об утверждении Порядка определения платы и ее предельных размеров за загрязнение окружающей природной среды, размещение отходов, другие виды вредного воздействия» и статьи 7 Федерального закона «О введении в действие части первой Налогового кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 10 дек. 2002 г. № 284-О // Российская газета. № 241, 25 дек.
11. По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 3 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части реализации мер по повышению престижа и привлекательности военной службы по призыву» в связи с запросом Парламента Чеченской Республики: постановление Конституционного Суда РФ от 30 окт. 2014 г. № 26-П // Российская газета. 2014. № 260, 14 нояб.